

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л.А. Инютина

Новосибирский государственный университет

О лексическом выражении семантического поля пространства в сибирском фольклоре XVII – XVIII веков

Статья вторая

Аннотация: В статье определены особенности лексической репрезентации семантических парадигм, формирующих периферийные сферы семантического поля пространства, реконструируемого на материале региональных фольклорных текстов XVII–XVIII вв. Метод полевого описания лексики применен для изучения истории формирования лексической системы русского языка в Западной Сибири.

The paper examines specific features of the lexical representation of semantic paradigms that form peripheral spheres of the semantic field of space reconstructed on the basis of the regional folklore texts of the 17th-18th centuries. Use is made of the semantic field method to study the history of forming the lexical system of the Russian language in Western Siberia.

Ключевые слова: фольклор, семантическое поле, периферия, семантическая парадигма.

Folklore, semantic field, periphery, semantic paradigm.

УДК: 811.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: decanat@gf.nsu.ru; ljudina@yandex.ru.

Семантическая сфера «Русь, Московское царство» семантического поля пространства в текстах Сборника Кирии Данилова

В своем исследовании мы рассматриваем процесс формирования представлений о пространстве и особенностей его лексической репрезентации в русском языке Западной Сибири в период XVII–XVIII веков. Прием полевого описания лексики является одним из методов такого исследования. Реконструкция семантического поля пространства осуществляется нами на материале памятников местной деловой письменности, сибирских летописей и фольклора, относящихся к этой поре.

Цель данной статьи состоит в анализе семантических парадигм (СП), образуемых лексическими единицами (ЛЕ)¹, обозначающими сибирские земли как новые территории Московской Руси, и в реконструкции фрагмента семантического

© Л.А. Инютина, 2012

¹ Вслед за [Голев, 1979; Климовская, 1973; Торопцев, 1970 и др.] мы рассматриваем устойчивые атрибутивные словосочетания (синлексы) как лексические единицы, структурно соответствующие словосочетанию, но выражающие, как и слово, единое понятие, выполняющие номинативную функцию и являющиеся регулярными в языке в различные периоды его развития.

го поля пространства в региональных фольклорных текстах того времени, первым изданием которых стал Сборник Кирши Данилова (КД).

«Особое отношение к простору и пространству», ощущение огромности природы, которое «всегда владело сердцами русских» [Лихачев, 1999, с. 509], не могло не отразиться в русском народном творчестве. В фольклористике традиционно отмечается, что художественный мир фольклора «во всей его конкретной наполненности во временном и пространственном отношениях как бы не равен самому себе, обладает свойствами подлинного символического явления» [Селиванов, 1981, с. 39–40]. Процессу «символизации», «сакрализации», «идеализации» подвергаются, как выяснено в результате исследования текстовых обозначений элементов быта в фольклоре, практически все конкретные атрибуты человеческой жизнедеятельности. Так же символичны все элементы и детали, связанные с пространственными и временными представлениями и их конкретным воплощением в фольклорном произведении [Бохонная, 2004; Лазутин, 1989; Порядина, 2001; Тубалова, Эмер, 2000].

В трудах фольклористов отмечена как символичность, так и конкретность, точность пространственных наименований. Лексические репрезентации пространственных понятий зафиксированы, выявлены их функции в поэтической ткани произведений народного творчества, определена историко-социальная и жанрово-стилистическая специфика и пр. «Описаний природы в русском эпосе нет, – писал В.Я. Пропп, – но певцу достаточно сказать два-три слова, и мы, как живую, видим перед собой русскую природу с ее бесконечными просторами, извилистыми реками, темными лесами, мягкими возвышенностями, хлебородными пашнями. Подобными же меткими эпитетами характеризуется не только природа, но все, что окружает певца: люди, постройки, вся обстановка жизни, вплоть до таких деталей, как скамейки, окна, замки, полотенца и т.д.» [Пропп, 1958, с. 527]. Анализируя традиционные эпитеты в языке фольклора и подчеркивая их изобразительную функцию, исследователи называют большие массивы пространственной («пейзажной») лексики (*дорога прямоезжая; леса темные; шатер белополотняный; терем златоверхий; поле чистое; луга зеленые* и др. [Лазутин, 1989, с. 122]; *пещеры змеиные; улицы широкие; мелкие переулочки; горы высокие* и под. [Селиванов, 1981, с. 40]). Прослеживая историческое изменение содержания и функций эпитетов, обусловленное «изменением в художественном методе» (например, исторических песен по сравнению с былинами), ученые-фольклористы обнаруживают «определенную тенденцию к реалистичности», к выражению конкретного, в частности географического содержания: *земля дальняя; земля турецкая; грязи смоленские; леса брынские; земли саксонские* [Лазутин, 1989, с. 127]; *тюменские бабы; селенгинские казаки; сибирская украина; даурская сторона* и др. [Путилов, 1958, с. 529].

Продолжаются исследования выраженной в языке фольклора национальной специфичности мировидения и ощущения просторов своей страны, выявляются этнические различия мира вещей и зарожденное еще в эпоху родового строя осознание слитности человека с природой [Афанасьев, 1994; Байбурин, 1983; Бондаренко, 2005; Пухов, 1975; Цивьян, 1978 и др.].

Затронута в фольклористике проблема региональной специфики выражения пространства в фольклорном произведении [Зоркин, 1974; Ухов, 1956; Тубалова, Эмер, 2000; Эмер, 2001 и др.]. Чаще всего рассматривается территориально маркированная лексика. Например, она обращает на себя внимание при систематизации вариантов и версий эпических произведений [Аникин, 1980, с. 112]. Анализу подвергнуты оппозиции общерусских, областных, индивидуальных *loci communes* при решении задач паспортизации, авторизации былин [Ухов, 1957, с. 154], определено место народных песен в исследованиях по диалектологии [Шипош, 1962].

В конце XX в. В.Я. Пропп констатировал: вопрос о пространстве в фольклоре должен стать предметом особого исследования. Следует отметить, что само

понимание пространства в произведении устного народного творчества остается актуальным и дискуссионным. В.Я. Проппом намечено несколько линий поисков в этой области, в том числе изучение отражения фольклором реальной действительности и особенностей человеческого мышления [Пропп, 1976, с. 92]. Высказывалось, например, мнение о прямой историко-социальной зависимости восприятия пространства как «географического» в «родовом» эпосе и «разрушения общего реального пространства», так называемого «замыкания» пространства, – в «феодальном эпосе» [Венедиктов, 1976, с. 82]. Более обоснованным нам представляется понимание историзма фольклора в его обусловленности спецификой поэтики и жанрово-композиционными особенностями фольклорных произведений. «Отношение к действительности и способы ее передачи в фольклоре меняются и развиваются с развитием исторической жизни народа» [Пропп, 1976, с. 94–95], например, «на смену монументализму былин идет реализм исторической песни» [Пропп, 1968, с. 10]. В исторической песне «время и пространство определяются исторически и гео- или топографически» [Пропп, 1976, с. 113]. Ученый полагает, что «чрезвычайная динамика действия» характерна для всех видов повествовательного фольклора. «Действие всегда совершается физически, в пространстве» [Пропп, 1976, с. 90–92]. Однако это не есть реальное физическое, географическое пространство. Это «эмпирическое пространство», то есть пространство, которое в момент действия окружает героя. Только это пространство и существует в фольклорном тексте.

Исследования фольклорного пространственно-временного континуума начала XXI в. реализуют актуальное свойство экспланаторности науки и знаменуются обращением к текстоцентрическим, семиотическим, культурологическим, когнитивным интерпретациям. В.А. Черванева и Е.Б. Артеменко, анализируя в своей монографии пространственно-временную организацию текстов двух эпических жанров (волшебной сказки и былин) в квантитативном аспекте, выясняют семиотическую значимость и поэтические функции, а также определяет репрезентативные возможности локальных и темпоральных параметров в различных мировоззренческих системах, в том числе в «фольклорно-языковой» картине мира [Черванева, Артеменко, 2004, с. 14–31, 143–147]. Л.А. Бондаренко, сопоставляя оригинальный текст якутского эпоса с его переводами на нескольких языках, устанавливает «характер межкультурной асимметрии в фольклорном произведении». Проведенный анализ имеет семасиологическую направленность и выполнен в аспекте когнитивной теории [Бондаренко, 2005, с. 17, 52]. В трудах томских лингвофольклористов описываются фольклорные текстовые модели мира, отражающие структуру и особенности организации региональной фольклорной концептосферы [Жученко, 2000; Тубалова, 2001, 2003 и др.].

Задачи, решаемые в исследовании в целом и в рамках данной работы, шире задач синхронной лингвофольклористики, так как предполагают рассмотрение текстов фольклорных произведений, записанных в XVIII в., в качестве одного из источников как для реконструкции представлений о пространстве, отраженных средствами устного народного творчества того времени, так и для историко-лингвистического изучения закономерностей становления лексической системы русского языка в Западной Сибири.

В ряде работ¹ были представлены результаты реконструкции ядра и I периферийной сферы семантического поля пространства в текстах КД (см. табл.). Ближняя периферия II «Русь, Московское царство» исследуемого семантического поля структурирована СП 'Пространство – царство-государство', которую фор-

¹ Находятся в печати наши статьи «Семантическое поле пространства сибирского фольклора XVII – XVIII вв. в глагольном выражении», «Лексическая репрезентация семантического поля пространства в сибирских фольклорных текстах XVII – XVIII вв.» и др.

мируют значения имен нарицательных и собственных (денотативного характера – у апеллативов, референтного – у онимов¹).

Таблица

Данные о структуре и лексической репрезентации семантического поля пространства в текстах КД

Структура поля	Семантические парадигмы и их лексическое выражение	Кол-во употреблений ЛЕ
Ядро поля	СП: Пространство – путь: <i>река</i> (33 ²), <i>море</i> (14), <i>путь</i> (5), <i>поход</i> (5), <i>дорога</i> (2) и др.	61
I ближняя периферия «Перемещение в пространстве»	СП: Путь – идти, пойти (перемещение субъектов): <i>пойти</i> (19), <i>идти</i> (10), <i>дойти</i> (4); <i>ходить</i> (3), <i>гулять</i> (10); <i>бежать</i> (3), <i>метнуться</i> (3), <i>выкататься</i> (2); <i>ехать</i> (4), <i>отъезжать</i> (2), <i>поскакать</i> (1); <i>выплыть</i> (4), <i>приплыть</i> (2); <i>переправиться</i> (2) и др. СП: Путь – везти (перемещение объектов): <i>вывезти</i> (2); <i>везти</i> (1); <i>разослать</i> (2), <i>отправить</i> (1); <i>тащить</i> (1) и др.	125
1.1. дальняя периферия	СП: Путь – корабль: <i>корабль</i> (8), <i>струг</i> (4), <i>лодка</i> (5), <i>коломенка</i> (4) СП: Путь – конь: <i>конь</i> (3), <i>конный</i> (2), <i>кобылий</i> (1).	29
1.2. дальняя периферия	СП: Путь – драка: <i>драка</i> (9), <i>бой</i> (2), <i>ратное дело</i> (2); <i>чинить поход</i> (1); <i>напущаться</i> (3), <i>набежать</i> (1); <i>настичь</i> (1); <i>прибить</i> (4), <i>прирубить</i> (2); <i>очистить</i> (2); <i>полонить</i> (5), <i>покорить</i> (3) и др.	78
II ближняя периферия «Русь, Московское царство»	СП: Пространство – царство-государство: <i>царство</i> (10), <i>государство</i> (4), <i>земля</i> (2), <i>сторона</i> , (3), <i>страна</i> (1); <i>земля святорусская</i> (1), <i>православный мир</i> (1), <i>крещеный мир</i> (1); <i>Русь</i> (10), <i>Москва</i> (13), <i>Красная площадь</i> (1) и др.; <i>московский</i> (8), <i>русский</i> (2), <i>российский</i> (4) и др.	67
2.1. дальняя периферия	СП: Царство-государство – Сибирь: <i>сибирский</i> (5), <i>тобольский</i> (2), <i>даурский</i> (1) и др.; <i>Якутск</i> (1), <i>Селендинский острог</i> (2), <i>Комарский острог</i> (9), <i>Иркутск</i> (1), <i>Енисейский городок</i> (1), <i>Мяденские юрты</i> (1); <i>Тобольская гора</i> (4), <i>Медведь камень</i> (1), <i>Белый камень</i> (2), <i>Шингальский хребет</i> (1), <i>Магницкого гора</i> (1); <i>Байкал море</i> (1), <i>Тобол</i> (2), <i>Амур</i> (3), <i>Енисей</i> (2), <i>Чусовая</i> (2), <i>Селенга</i> (3), <i>Тура</i> (2), <i>Иртыш</i> (1), <i>Баранча</i> (3); <i>Соуксанская лука</i> (1), <i>Баранчская переволока</i> (1) и др.	82
2.2. дальняя периферия	СП: Царство-государство – его территории: <i>Киев</i> (3), <i>Малороссия</i> (1), <i>Астрахань</i> (4), <i>Астраханское царство</i> (2), <i>Новгород</i> (7), <i>Казань</i> (1), <i>Казанское царство</i> (1), <i>Уфа</i> (1), <i>Рязань</i> (2), <i>Кострома</i> (1); <i>Волга река</i> (8), <i>Ахтуба</i> (5), <i>Кама</i> (1); <i>донской</i> (4), <i>астраханский</i> (3), <i>казанский</i> (2), <i>пятигорский</i> (3) и др.	57
2.3. дальняя периферия	СП: Царство-государство – чужие территории: <i>Индийское царство</i> (2), <i>Саксонская земля</i> (1), <i>Половецкая орда</i> (1); <i>персидский</i> (8), <i>заморский</i> (4), <i>свицкий</i> (5), <i>сорочинский</i> (2), <i>мунгальский</i> (2), <i>турский</i> (1), <i>ордынский</i> (1), <i>аравийский</i> (1) и др.	34

¹ См.: [Суперанская, 1973, с. 261 – 263].

² Указано количество словоупотреблений в исследуемых текстах.

2.4. дальняя периферия	СП: Царство-государство – власть: <i>царь</i> (6), <i>государев</i> (4), <i>воцариться</i> (1), <i>обережатель</i> (1) и др.	17
2.5. дальняя периферия	СП: Царство-государство – человек, житель: <i>крестьянин</i> (5), <i>татарин</i> (5), <i>черкас</i> (3), <i>калмык</i> (3), <i>башикрец</i> (3), <i>чукша</i> (3), <i>гость</i> (2), <i>литва</i> (2), <i>чудь</i> (1), <i>турок</i> (1), <i>сосед</i> (1) и др.	36
III ближняя периферия «Физическое пространство»	СП: Пространство – место, сторона: <i>сторона</i> (11), <i>место</i> (5), <i>земля</i> (2) и др.	20
3.1. дальняя периферия	СП: Место, сторона – география территории: <i>восточный</i> (1), <i>северный</i> (1); <i>протока</i> (5), <i>устье</i> (7), <i>остров</i> (2), <i>берег</i> (2); <i>крутой</i> (2), <i>наизголове</i> (1), <i>болото</i> (2), <i>камень</i> (6), <i>гора</i> (7), <i>пещера</i> (3) и др.	120
3.2. дальняя периферия	СП: Место, сторона – поселение: <i>острог</i> (16), <i>город</i> (10), <i>село</i> (7), <i>улус</i> (3), <i>местный</i> (2), <i>пониловый</i> .	43
3.2.1. дальняя периферия	СП: Поселение – жить: <i>жить</i> (8), <i>стоять</i> (7), <i>поставить</i> (4), <i>сидеть</i> (2); <i>зимовать</i> (2), <i>управляться</i> (1); <i>пристань</i> (1) и др.	43
3.3. дальняя периферия	СП: Место, сторона – двор, дом: <i>Двор</i> (7), <i>изба</i> (3), <i>дом</i> (2), <i>улица</i> (1), <i>базар</i> (1), <i>ров</i> (1), <i>палаты</i> (1) и др.	36

Слово *царство* (10) в КД обозначает государство, находящееся «под одним государем» [Даль IV, с. 571; Черных II, с. 362]. Лексема *государство* (4) употреблена в значении ‘царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып 4, с. 108; Черных I, с. 210]: ...*с печали царь по царству пошелъ по темь / широкимъ по улицамъ...* [КД, л. 76, с. 448]¹; ...*вывезите менѢ казакѣ к силну царству московскому государству росискому...* [КД, л. 21, с. 341].

Анализ синтактики ЛЕ *царство*, *государство* в исследуемых текстах показывает, что они являются синонимами, если употреблены в детерминативных атрибутивных синтагмах с прилагательными *московский*, *сильный* (*царство*) и *российский*, *великий* (*государство*). В другой синтагматике – с ЛЕ *астраханский* и *казанский* – употреблено только слово *царство*: ...*когда воцарился царь гѣдрь (...)* что / *взялъ онъ царство казанское...* [КД, л. 61, с. 415]; ...*а и будутъ казакѣ у царства астраханскова...* [КД, л. 61, с. 415]. Владения же сибирских князьков и даже царя Кучума не называются царством или государством: ...*полонилъ ермакъ кучума царя / татарскова и вся сила покорилася тому царю грозному / царю Ивану Васильевичу...* [КД, л. 23, с. 344]; ...*атаманъ ермакъ тимофѣвичъ со своею оружиною (...)* *полонилъ кучума царя татарьскова...* [КД, л. 22 об., с. 343].

ЛЕ *земля*, *страна*, *сторона* находятся в одной лексической парадигме со словами *царство* и *государство*. Слово *земля* (2) в значении ‘страна, государство, край, земля’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 5, с. 376; Черных I, с. 323], ‘страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область’ [Даль I, с. 678], синонимично со значением лексем *царство* и *государство*, зафиксировано в текстах КД при употреблении слова в детерминативных атрибутивных синтаг-

¹ При цитировании сначала указывается лист рукописи, затем – страница указанного в списке литературы издания Сборника Кириши Данилова.

² Тексты, в отличие от используемого источника, даются с заменой буквы «ять» знаком Ъ; букв «и десятичная», «ук», «кси», «от» («омега») – соответственно буквами И, У, КС, О; букв греческого алфавита – русскими.

мах с относительными прилагательными, называющими признак по месту (*саксонский, свицкий* и др.): *...король честны карлусы показаль ему / милость великую отправляет силы со трех / земель а и первыя силы то свицкия а другия / силы саксонския а и третия силы школския...* [КД, л. 61, с. 415].

Слово *сторона* (14) употреблено в КД в трех значениях. Одно из них – *сторона* (3) ‘государство’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 28, с. 99–100], ‘местность, край, страна’ [Черных II, с. 206] – формирует СП ‘Пространство – царство-государство’ наряду с ЛЕ *царство, государство, земля, страна*: *...и по тому приказу государеву поехал ермак / тимофьевич со своими казаками в ту сторону сибирскую...* [КД, л. 23 об., с. 346]; *Во сибирской во украине / во даурской стороне (...) казаки царя Белова / оне острог поставили...* [КД, л. 23 об., с. 346]; *...етапоры у ермака были казаки / разосланы по разным далным странам...* [КД, л. 61, с. 415].

Следует отметить участие в экспликации СП ‘Пространство – царство-государство’ ЛЕ, отражающих роль Российского государства как центра христианского православного мира: *земля святорусская* (1) ‘относящийся к Святой Руси; русский, православный’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 23, с. 216], *крещеный мир* (1) ‘подвергшийся обряду крещения’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 53], *православный мир* (1) ‘исповедующий православие’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 18, с. 119]; *православный государь ‘русский’* [Даль III, с. 380], *вера крещеная* (1) ‘христианская религия’ [Сл. РЯ XI – XVII вв., вып. 8, с. 53]: *...онь правитель царству московскому обережатель / миру крещеному и всеи нашей земли светоруския...* [КД, л. 61 об., с. 415]; *на великих на радостях пирь пошел (...) провесь православной мирь...* [КД, л. 62 об., с. 417]; *...к силну царству московскому государству росискому приведите казаки мень / в веру крещеную...* [КД, л. 21, с. 341]. Таким образом, христианская православная вера определена в тексте КД как значимый признак пространства, называемого *царство московское, государство российское*.

Значения имен собственных, также выражающие анализируемую СП, соотносят эти имена с единичными объектами¹. А в результате метонимии они становятся символическим названием целого по его части (*Русь – царство московское; Москва, Красная площадь* и др. – *царство московское*): *...а нонеча / усы проявились на руси а в новомъ усолье у строго/нова...* [КД, л. 94 об., с. 494]; *...когда москва женилась казань поне[с]ла понизовныя / города в приданыя взела иркуцка якуцка енисейскои / городок а и новьгородь былъ тысяцкои...* [КД, л. 97, с. 499]; *...любимова конюха (...) привезли до ивана великова где кладутся цари и царевичи где / ихь роды царския завсегда звонять во царь колоколь...* [КД, л. 76, с. 447].

В периферийной сфере П «Русь, Московское царство» семантического поля пространства реконструированы дальние периферии. Характерной особенностью некоторых из них (2.1, 2.2, 2.3 в табл.) является то, что составляющие их СП выражены по преимуществу значениями онимов. Это создает понимание пространства (свойственное мифологической картине мира) «не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих имя собственное» [Лотман, Успенский, 1973, с. 288].

Так, семантика проприальных имен формирует СП ‘Царство-государство – Сибирь’ (см. табл.). Названы многочисленные остроги, городки и даже поселения аборигенов: *...а и вверхъ было по матке селенге / по реке, из верхнева острогу селендинскова...* [КД, л. 68 об., с. 429]; *...заклинался боидоской князець, / бегучи от острогу прочь, от острогу комарскова, / а самъ заклинается, а не даи боже напредки / бывать, на славной амуре реке...* [КД, л. 74, с. 444]; *...поплыли по тоболь реку/ в мяденски юрты приплыли тутъ оне княска полонили.* [КД, л. 22 об., с. 344]. Поименно обозначены сибирские реки, горы, хребты и пр.: *...и скоро оне*

¹ По мнению Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, «отождествляют слово и денотат» [Лотман, Успенский, 1973, с. 287].

выплыли на тагиль реку у тово медведя камня / у магницова горы становилися... [КД, л. 22 об., с. 344]; *...на той / бошой енисѣе реке...* [КД, л. 23 об., с. 346]; *...из раздолья широкова / с хрета шингалкова / из-за белова камня (...) идетъ боидоской князецъ...* [КД, л. 73 об., с. 444]; *...и выплыли (...) на иртышь реку под саму / высокоу гору тоболскую...* [КД, л. 22 об., с. 344] и др.

Сибирь описана как часть *Московского царства*. Однако имя *Сибирь* в исследуемых текстах не зафиксировано. Отмечен его дериват, относительное прилагательное *сибирский*. *Сибирскими* в текстах КД названы территории не только Западной Сибири, но все земли вплоть до Амура, и как новые территориальные приобретения они подробно поименованы (поскольку только то, что имеет название, становится известным человеку).

СП 'Царство-государство – его территории' другой дальней периферии II семантической сферы также репрезентирована семантикой большого количества проприальной лексики, именующей провинции Московской Руси XVII в. (*Малороссия* (1), *Казанское царство* (1), *Киев* (3), *Астрахань* (4), *Новгород* (7) и др.), и значениями относительных имен прилагательных (*донской* круг, *казак* (4), *пятигорский* черкас (3), *терский* майдан (1) и под.): *...в астрахане/ жить нельзя на волге жить ворами слыть на якуь/ итьти перехотъ великъ в Казань иди грозенъ царь/ стоить (...) в мо/скву иди перехватанымъ быть...* [КД, л. 22, с. 343]; *...в полуденную / сторону походомъ пошли (...) ноне тутъ малоросия...* [КД, л. 62 об., с. 417]; *...а грозны царь иванъ васильевичъ что / взялъ онъ царство казанское (...) выводилъ онъ измену ис киева что вывелъ измену из нова города что взялъ резань / взялъ и астрахань* [КД, л. 74, с. 445].

СП 'Царство-государство – чужие территории' третьей дальней периферии II семантической сферы в исследуемых текстах КД сформирована значениями ЛЕ, именующих чужие государства (*Индийское царство* (2), *Литва* (2) и др.) или называющих признак предмета относительно места (*персидский* (8), *свицкий* (5), *турский* (1) и др. – см. табл.): *...поле/тель онъ ко царствъиндеискому...* [КД, л. 10, с. 313]; *...писаль ерлыки скоропищеты / во свицкую землю саксонскую (...) ко свицкому королю карлосу...* [КД, л. 61 об., с. 416]; *...напуцались на улусы на мунгалския...* [КД, л. 68 об., с. 429].

Следует отметить, что упоминаемое лингвокогнитологами свойство менталитета любого народа – воспринимать мир сквозь призму оппозиции «свой»/«чужой» – выявляется и при анализе фольклорных текстов КД.

1) Семантика ЛЕ, СП, сформированные ею и выражающие II семантическую сферу семантического поля пространства в этих текстах, являются конкретным отражением такой оппозиции. ЛЕ, эксплицирующие СП 'Пространство – царство-государство', обозначают и именуют Российское государство как единое, централизованное (*Русь*, *Москва*, *московский*, *царство*), отличающееся от остального мира верой (*святорусский*, *православный*, *крещеный*). ЛЕ, значение которых формирует СП 'Царство-государство – власть' (см. табл.), характеризуют такие свойства «своего» пространства, как наличие сильной государственной власти (*великий стол* (1), *власть государева* (1), *воцариться* (1): *...по тому приказу государеву поехалъ ермакъ / тимофѣевичъ со своими казаками в ту сторону сиби/рскую и (...) сталъ онъ ихъ наиболее под власть государеву / покоряти...* [КД, л. 23 об., с. 346]); наличие 'государя, монарха, правителя земли, народа или государства' [Даль IV, с. 570; Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 18, с. 109; Черных II, с. 362]: *царь* (6), *правитель* (1), *обережатель* (1).

2) Семантика ЛЕ, формирующая описанные выше СП 'Царство-государство – Сибирь' и СП 'Царство-государство – его территории', отражает такую характеристику «своего» пространства, как величие Московского царства и необъятность его просторов. В языке произведений КД отражено представление о Сибири, во-первых, как уже о «своей», т.е. о российской территории; во-вторых,

как еще о новой, мало известной земле, в связи с чем ее описание является настолько конкретно-топографическим (82 ЛЕ-употребления).

3) Смысл «чужой» в исследуемом семантическом поле пространства выражен значениями ЛЕ, структурирующими СП 'Царство-государство – чужие территории' и частично СП 'Царство-государство – человек, житель' (см. табл.): *татарин* (5), *сорочин* (3), *олотор* (3), *чукша* (3), *гость* (2), *турок* (1) и под.: *...наше силно царство / московское Литва облегла со все четыре стороны / приступила сорочина долгополая а и те черкасы петигорския а и те калмыки со башкирцами / а и те чюкиши с олоторами...* [КД, л. 61 об., с. 415].

Количественное соотношение употреблений пространственных ЛЕ в описанном в данной статье материале, выражающих оппозицию «свой»/«чужой», – почти 4:1 (230 и 63 ЛЕ-употребления), что вполне укладывается в концепцию фольклорного пространства как пути эпического героя [Пропп, 1976, с. 92]. Исторические песни посвящены подвигу Ермака с дружиною, взятию и покорению Сибири, в них Сибирь поэтически осмыслена в качестве нового владения Московского царства.

Литература

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991.

КД – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1958.

Сл. РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.

Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 1.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Бондаренко Л.А. Особенности передачи национально-культурного колорита при переводе фольклорного произведения: на материале якутского эпоса: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Бохонная М.Е. Жанровые особенности реализации единиц с семантикой «вещного» мира (на материале частушки) // Материалы междунар. науч. конф. Барнаул, 2004. С. 43–48.

Венедиктов Г.Л. Идеино-художественные принципы былин как отражение дофеодальной и феодальной эпохи // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. XVI. С. 82–95.

Голев Н.Д. Речевые описательные наименования (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.

Жученко Ю.В. Оценочность как значимый компонент картины мира в фольклорном тексте // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы всерос. междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, культура». Томск, 2000. С. 84–89.

Зоркин В.И. Былины Сибири в записях политических ссыльных // Русский фольклор Сибири. Улан-Удэ, 1974. Вып. 2. С. 119–136.

- Климовская Г.И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 18–26.
- Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 84–92.
- Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. М., 1989.
- Лихачев Д.С. Раздумья о России: статьи о культуре России, заметки и наброски, приложения. СПб., 1999.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Уч. зап. Тартуского ун-та. 1973. Тарту, 1973. Вып. 308. С. 282–303.
- Порядина Р.Н. Символическая природа фольклорного текста // Проблемы русистики: материалы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию проф. кафедры русского языка Том. гос. ун-та О.И. Блиновой. Томск, 2001. С. 157–160.
- Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
- Пропп В.Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Русская литература: Уч. зап. № 339. Сер. филологических наук. Л., 1968. Вып. 72. С. 5–25.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность: Избран. статьи. М., 1976. С. 83–115.
- Путилов Б.Н. Сборник Кирши Данилова и его место в русской фольклористике // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1958. С. 513–565.
- Пухов И.В. Эпическая природа («пейзаж») в олонхо // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 150–157.
- Селиванов Ф.М. Символика в былинах // Художественные средства русского народного поэтического творчества. М., 1981. С. 28–43.
- Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Торопцев И.С. Очерк русской ономастиологии (Возникновение знаменательных лексических единиц): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1970.
- Тубалова И.В. Семантика «свой-чужой» в фольклорном тексте // Проблемы русистики: материалы Всерос. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию проф. кафедры русского языка Том. гос. ун-та О.И. Блиновой. Томск, 2001. С. 118–120.
- Тубалова И.В. Фольклорный таксис как эстетическая категория // Миромоделирование в языке и тексте. Томск, 2003. С. 151–160.
- Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Проблемы лексикографирования языка фольклора // Филол. исследования. Томск, 2000. С. 187–193.
- Ухов П.Д. Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1956. Т. I. С. 97–115.
- Ухов П.Д. Типические места как средство паспортизации былин // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. II. С. 129–154.
- Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. № 10. С. 65.
- Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира. Воронеж, 2004.
- Шипош И. Роль народных песен в исследованиях по исторической диалектологии // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 2. С. 398–399.
- Эмер Ю.А. Язык фольклора и диалект // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Томск, 2001. С. 78–79.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.